

Оба ребёнка, напуганные случившимся, притихли и не смели издать ни звука. Чжао Ло, вся дрожа от жалости к сыну, опустилась на землю и взяла его за руку, искоса поглядывая на свекровь. Она понимала, что после этого происшествия Чжао Сююй возненавидит эту семью ещё сильнее.

И она не ошиблась. Едва Чжао Сююй велела ей увести детей домой, как тут же с яростью вцепилась в одежду на груди Доумяо.

Её ладонь уже взметнулась для удара, но Е Ишу, изменившись в лице, успел перехватить её руку. Его пальцы так сильно впились в её плоть, что, казалось, вот-вот сломают кость.

— Что ты делаешь?!

Чжао Сююй, взыв от боли, попыталась вырвать руку.

— Что я делаю? Этот маленький ублюдок ударил моего внука, и я, как бабушка, должна за него заступиться!

Е Чжэнкунь, нахмурившись, оттолкнул протянувшуюся было снова руку Чжао Сююй и, притянув к себе своих сыновей, заслонил их.

— Тёща, это уже переходит все границы.

— Мама, Даху сам упал... — еле слышно попыталась объяснить Ши Пулю.

— Кто тебе мама! Вы что, думаете, я, старуха, слепая? Я всё прекрасно видела, это твой Доумяо толкнул моего Даху!

Е Ишу сжал кулаки.

— Ты стара и слепа, но твоя невестка ведь видела.

— А ну закрой свой поганный рот, мелкая дрянь! Тебе здесь слова не давали! — Чжао Сююй замахнулась, чтобы ущипнуть его, но Е Ишу отшвырнул её руку так, что старуха взвизгнула от боли.

— Тёща...

— Отец, мать, уходим! — Е Ишу схватил родителей и потянул их прочь.

Но Чжао Сююй не позволила им уйти. Она вцепилась в их корзину.

— Уйти? Так просто? Сегодня вы не заплатите, и я вас из деревни не выпущу!

Голос у Чжао Сююй был зычный, и её крики привлекли внимание всей деревни. Увидев, что это снова Чжао Сююй сцепилась со своей старшей дочерью, кто-то поспешил в поле за стариком Ши.

Е Ишу, с трудом сдерживая гнев, несколько раз глубоко вздохнул. Почему все эти старухи умеют только устраивать скандалы?

— Отец, оставь вещи, уходим, — он был на грани.

Е Чжэнкунь снял с плеч корзину. Едва она коснулась земли, как Чжао Сююй тут же притянула её к себе.

Семья из четырёх человек попыталась уйти, но Чжао Сююй снова преградила им путь. Её брови были хищно изогнуты, рот перекошен от злобы, а лицо исказилось в гримасе.

— Ударили моего Даху, не заплатите — не уйдёте!

Сегодня был праздник, и Е Ишу не хотел дальнейших разбирательств. Он бросил в корзину двадцать взней и велел родителям скорее уводить Доумяо. Мальчику было всего десять лет, и такая травля могла оставить глубокий след в его душе. Ши Пулю и Е Чжэнкунь, понимая это, взяли сына за руку и поспешили прочь.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как из толпы показался старик Ши с двумя сыновьями и невесткой. Они торопились, и на их руках ещё осталась земля.

— Что здесь происходит?

Чжао Сююй, увидев подмогу, тут же залилась слезами и принялась рассказывать свою версию событий.

— Это всё твоя старшая доченька! Пришла сегодня, якобы из уважения, а сама даже в дом не вошла! Да ещё и натравила своего Доумяо на Даху, толкнула его так, что он голову разбил! Посмотри, сколько крови на земле!

Старик Ши, услышав это, побледнел и тут же приказал сыновьям преградить им путь. Не разобравшись, он начал кричать:

— Пришли так пришли, разве вас не приняли бы! Но Доумяо, такой маленький, а уже научился драться, разве так родители учат детей!

— И ты, старшая, тоже хороша! Твоя мать хоть и мачеха, но столько лет помогала по дому, а ты к ней никакого уважения. Знаю, ты её не любишь. Дома ты была непослушной, так теперь ещё и мужа своего притащила, чтобы семью унижать! У тебя вообще есть отец в сердце...

— Отец, это не Доумяо. Это Даху с сестрой хотели отнять... — попыталась объяснить Ши Пулю, но старик, привыкший верить лишь одной стороне, слушать её не стал.

— Я что, не знаю, какой хороший ребёнок Даху? Это всё твой Доумяо, каждый раз, как приходит, отнимает у детей игрушки. Не мог уступить младшим?

— Ты не научила сына уму-разуму, а теперь винишь Даху. Сколько лет Доумяо? А им сколько?

— Отец! Это не Доумяо сделал! — Ши Пулю не могла переспорить отца и не могла тягаться с мачехой. Все эти годы её отец был словно слеп: не видел её труда, а лишь потакал мачехе и её детям.

Ши Пулю с глубоким разочарованием смотрела на старика.

Тот, раздосадованный её взглядом, отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Ладно, ладно, извинись перед матерью, оставь вещи и уходите.

Сун Чжэньцзинь, закончив с пациентом, уже собирался уходить, неся свой ящик с лекарствами, но, заметив в толпе алое пятно, замедлил шаг и подошёл ближе.

Не успел он ничего разглядеть, как толпа внезапно с шумом расступилась.

Е Ишу, доведённый до предела, больше не мог терпеть. Он выхватил из корзины семьи Ши тесак для рубки дров и с размаху вонзил его в стену. Лезвие вошло в дерево на три цуня.

— Я уступил вам трижды, а вы решили, что вам всё дозволено!

Звон стали повис в воздухе. Лицо того, кто держал тесак, было подобно лику демона.

Толпа в ужасе отшатнулась. Лишь Сун Чжэньцзинь, стоявший позади всех, остался недвижим и оказался впереди.

Старик Ши онемел, а Чжао Сююй, почувствовав, как подкашиваются ноги, потеряла дар речи. Семья Ши с ужасом смотрела на Е Ишу, на рукоять тесака, торчащую из стены, и холод пробежал у них по спинам. Даже зеваки вздрогнули.

Взгляд Сун Чжэньцзиня на мгновение сверкнул, и уголки его губ едва заметно дрогнули. Увидев, что гээр может за себя постоять, он тихо вышел из толпы.

— Уходим! — скомандовал Е Ишу.

Ши Пулю и Е Чжэнькунь были ошеломлены поступком сына, а Доумяо, оправившись от испуга, смотрел на брата сияющими глазами.

Семья из четырёх человек покинула толпу. Никто не осмелился произнести ни слова.

Пройдя несколько шагов, Е Ишу, словно что-то вспомнив, вернулся и схватил корзину.

— Ты не признаёшь мою мать, значит, и этого вы не заслуживаете!

— Я слишком долго терпел вашу семью. С этого дня мы друг для друга чужие. Разве что когда вы, старики, умрёте, мы придём взглянуть.

Толпа ахнула. Люди смотрели на Е Ишу, как на привидение.

Как может гээр быть таким?!

Кто-то восхищённо одобрил его характер, кто-то, перепугавшись, начал бормотать проклятия, называя его свирепым.

Так или иначе, этим ударом тесака Е Ишу разорвал все связи с семьёй Ши. Отныне не только он, но и его родители больше никогда не переступят порог этого дома.

На перекрёстке Сун Чжэньцзинь замедлил шаг.

Семья Е шла быстро и вскоре догнала его.

После случившегося Ши Пулю была подавлена и едва сдерживала слёзы. Е Чжэнькунь, переживая за сына, тоже был не в настроении для разговоров.

Лишь Е Ишу, поравнявшись с Сун Чжэньцзинем, кивнул ему.

Сун Чжэньцзинь ответил кивком, замедляя шаг ещё больше.

Гээр прошёл мимо, и взгляд Сун Чжэньцзиня, холодный и ясный, как лунный свет на озёрной глади, молча провожал его удаляющуюся фигуру.

Алое одеяние развевалось на ветру, чёрные волосы спадали на плечи. Его решительная походка напоминала о прошлом.

Е Ишу ушёл, и то, что говорили о нём в деревне Шиво, его больше не волновало.

Вернувшись домой, они погрузились в гнетущую тишину.

Е Ишу и Доумяо сидели под навесом восточного флигеля, подперев щеки руками и глядя на морсящий дождь. Оба одновременно вздохнули.

— Эх...

Из комнаты доносились сдавленные рыдания Ши Пулю.

— Говорят, с мачехой приходит и отчим... Я знала, что он будет заступаться за неё. Но как он мог так говорить о нашем Доумяо... Каждый раз, когда мы приезжаем, вам приходится терпеть унижения... Больше не поедem, никогда...

Услышав это, Доумяо пододвинул свою скамейку поближе к брату. Он подставил лицо под мелкие капли дождя, залетающие под навес, и, склонив голову, прислонился к руке Е Ишу.

— Старший братец, мама уже давно плачет.

— Пусть плачет.

Человек, который с самого детства жил в унижении и не покончил с собой, уже был силен. Пусть выплачется, выплеснет свою обиду. Отец был рядом и мог утешить её.

Е Ишу порылся в памяти. За всю свою жизнь он видел, как мать плачет так горько, всего три раза.

Жизнь и так горька, так почему бы не поплакать?

— Наша мама так сильно обижена, — пробормотал Доумяо, его маленькое личико скривилось.

Е Ишу взъерошил его волосы и устремил взгляд на плетень. Тёмно-зелёные листья тыквы постепенно увядали, и из-под них уже виднелись огромные жёлтые плоды.

Он потрепал Доумяо по голове и тихо спросил:

— А ты обижен?

— Обижен. Я же его не толкал. Я его даже пальцем не тронул, а та женщина сказала, что это я, и дедушка сказал, что папа с мамой меня плохо воспитали...

Малыш, говоря это, снова всхлипнул и, повернувшись, уткнулся в руку Е Ишу, замолчав.

Е Ишу взглянул на него.

— Ты не виноват. Это они не разбираются, что к чему.

— Старший братец... у-у-у...

Е Ишу слабо улыбнулся и, на удивление, не оттолкнул его, позволив мальчику плакать у себя на плече, пока тот не успокоился.

Доумяо любил ласку. Хоть он и был мальчиком, но характер у него был чувствительный.

Плаксивость, возможно, передалась ему от матери.

Мать и сын плакали вместе — одна в доме, другой на улице, оба почти беззвучно. Е Ишу слушал их, и ему было одновременно и горько, и смешно.

В главном доме проголодалась Ли Сынян. Она вышла, чтобы позвать невестку готовить ужин, но, встретившись взглядом с улыбающимся Е Ишу, сидевшим у входа в восточный флигель, не смогла произнести ни слова.

Стиснув зубы, она сама пошла на кухню.

«Плачут и плачут, только и знают, что плакать! Привела в дом невестку, а она ни на что не годна, и дети её такие же — вечно мне наперекор. За что мне такое наказание, Ли Сынян?!»

Незаметно рыдания в комнате стихли.

Е Ишу пошевелил рукой и почувствовал, что плечо насквозь промокло. Он нахмурился и ткнул Доумяо в лоб.

— Ну и грязнуля.

Доумяо, с покрасневшими и опухшими глазами, смущённо улыбнулся брату и попытался вытереть его одежду своим рукавом.

Е Ишу, увидев, что тот успокоился, снова щелкнул его по лбу и пошёл в дом переодеться.

Две комнаты в восточном флигеле были разделены тонкой перегородкой. Разговоры с той стороны здесь были слышны лучше, чем на улице.

Переодевшись, Е Ишу услышал разговор родителей:

— Я и не заметила, что доктор Сун тоже там был.

— Сразу видно, что он красив. Даху был ранен, мы все так переволновались, а он оставался спокоен и невозмутим, и руки у него не дрожали.

— Кажется, у него хороший характер, и он очень уравновешенный...

Дальше Е Ишу слушать не стал.

Доктор Сун, безусловно, был хорошим человеком, но Е Ишу решил, что мать просто восхищается им, и не придавал её словам особого значения.

Он открыл дверь, и родители, услышав звук, тут же замолчали.

Они быстро прибрались в комнате и вышли готовить ужин.

Они планировали пообедать у родственников, а вечером вернуться домой, чтобы совершить обряд поклонения луне.

Но из-за случившегося пообедать не удалось.

Ши Пулю, боясь, что дети останутся голодными, поспешила на кухню вместе с Е Чжэнкунем. Ли Сынян, увидев её опухшие от слёз глаза, презрительно скривила губы.

«Потащилась с мясом и яйцами в подарок, а вернулась в слезах. Позорище!»

Едва Ши Пулю вошла, Ли Сынян бросила всё и вышла. Только когда она ушла, Ши Пулю смогла немного расслабиться и вздохнуть свободнее.

Пока они готовили ужин, из города приехала повозка, запряжённая ослом.

Повозка остановилась перед домом семьи Е, и Е Ишу сразу узнал свою тётю.

Ли Сынян, увидев младшую дочь и зятя, вытерла руки о фартук и с улыбкой поспешила им навстречу.

— Зятёк приехал, проходи в дом, садись.

Затем она повернулась и крикнула в дом:

— Старик, посмотри, кто приехал!

Это был муж её младшей дочери, живший в городе, по имени Люй Цзиньфу. У него был небольшой бизнес, и в глазах Ли Сынян он был настоящим сокровищем.

Тётя вошла во двор первой, но старуха с восторгом приветствовала именно зятя. Люй Цзиньфу с улыбкой ответил на её приветствие.

Оставленная без внимания тётя Е Сяожу закатила глаза. Она знала, что её мать всегда такая.

Е Ишу и Доумяо не могли просто сидеть. Они встали и хором поздоровались:

— Тётя.

Е Сяожу сунула вещи в руки матери, проигнорировав мужа, и с нежностью под села к Е Ишу.

— Давно не виделись, Шу-гээр, ты стал ещё красивее.

Е Ишу отстранил её руку и сухо усмехнулся.

Его тёте было чуть за тридцать. После замужества она жила в достатке, пополнела, и её лицо стало белее и нежнее. В детстве Е Сяожу любила с ним играть, и они были очень близки.

Посидев немного, Е Сяожу, видя, как её муж неловко отвечает на вопросы её родителей в главной комнате, достала из одежды несколько лянов серебра и протянула им.

Она скривила губы. Хотя они с мужем заранее договорились дать денег, разница в отношении старухи к ней и к зятю была слишком очевидна, и ей было неприятно.

В их семье Е только младший сын и этот состоятельный зять удостаивались улыбки её матери.

От этих мыслей на душе стало тоскливо. Е Сяожу отвела взгляд и пошла на кухню поговорить со старшим братом и невесткой.

Им нужно было торопиться назад. Поздоровавшись со всеми, она подошла к Е Ишу и спросила:

— Эй, Шу-гээр, а где твой младший дядя?

— Пошёл к своим родственникам. — Е Ишу услышал шаги и, подняв голову, увидел Е Чжэнсуна с женой и сыном, входивших во двор. Он кивнул в их сторону. — А вот и он.

— Вторая сестра, — одновременно поздоровались Е Чжэнсун и Цзинь Лань.

— Тётя! — радостно закричал Е Цзиньбао.

Е Сяожу встала, обняла Е Цзиньбао и только потом поздоровалась с братом и невесткой.

Е Ишу, видя, что тётя собирается остаться на ужин, взял своего младшего брата Доумяо и пошёл на кухню помогать.

— Мама, чем помочь?

Ши Пулю, вытирая пот со лба, с тревогой достала замоченную сою.

— Гээр, помоги мне перемолоть бобы.

— Доумяо, возьми таз и иди за мной, — сказал Е Ишу и вышел с деревянным ведром.

У семьи Е была каменная мельница на заднем дворе. Но она давно не использовалась, и её нужно было сначала хорошо вымыть.

Они с Доумяо взяли всё необходимое и пошли на задний двор. Не успев войти, они услышали тихий разговор.

Доумяо поднял голову и уже хотел что-то сказать, но Е Ишу, поняв, что это его младший дядя и тётя, приложил палец к губам.

— Вторая сестра, я... я хотел спросить, У... У-нян вернулась?

— Зачем ты спрашиваешь?!

— Тсс! Тсс... Вторая сестра, потише.

— Ты всё ещё думаешь об этой женщине? Кто знает, сколько мужчин было в её постели, не боишься заболеть!

— Но, вторая сестра, я был к ней так добр... Как она могла просто бросить меня и уйти?

Е Ишу потерял дар речи. Во дворе раздался смех его тёти.

Е Ишу, увидев, что Доумяо неуверенно держит таз с водой, помог ему и, кашлянув, громко сказал:

— Доумяо, не разлей воду.

На заднем дворе слышались торопливые шаги. Когда они вошли, там стояла только Е Сяожу.

— Тётя, а где мой младший дядя? — с улыбкой спросил Е Ишу.

Е Сяожу хмыкнула и кивнула в сторону противоположного угла стены.

— Туда побежал, трус!

— Что вы тут делаете? — Е Сяожу помогла Доумяо поставить таз с водой.

Е Ишу снял с мельницы ткань.

— Мама захотела перемолоть немного сои, это новый урожай. Тётя, останешься поесть?

Е Сяожу покачала головой и погладила Доумяо по голове.

— Мы не будем, нам нужно домой, готовиться к вечернему пиру.

Е Ишу не стал настаивать, а лишь тщательно вымыл мельницу и начал молоть сою.

— Тётя уходит. Будет время, приезжайте в город в гости, — Е Сяожу хлопнула Е Ишу по плечу

и вышла со двора.

Е Ишу и Доумяо вышли проводить её. Вскоре послышался стук копыт, и повозка скрылась из виду.

Е Сяожу с мужем всегда так приезжали по праздникам — привозили подарки и уезжали. Старуха, получив подарки и деньги, не мешала им жить в городе.

И тётя, и их отец росли, заваленные работой, и к родителям не испытывали ни особой любви, ни близости, лишь горечь и обиду.

«Мы же родные, почему к нам такое разное отношение?»

Е Ишу помрачнел. Он обнял своего младшего брата и снова принялся за работу.

Набухшие от воды соевые бобы вместе с водой засыпали в отверстие в центре жёрнова. Вращая ручку, два каменных круга перемалывали бобы, и соевое молоко стекало по желобу в подставленное внизу деревянное ведро, покрываясь белой пеной.

Вскоре по всему заднему двору распространился запах сои.

Не успели они долго поработать, как пришёл Е Чжэнкунь и сменил Е Ишу. Тот пошёл на передний двор помогать матери.

Ужин был готов. Семья Е поела, ожидая более обильного вечернего застолья.

После еды Е Чжэнкунь не стал держать детей дома. Доумяо, прежде чем бабушка успела дать ему какое-нибудь поручение, выскользнул из дома играть с друзьями.

Е Ишу взял удочку и решил пойти на реку порыбачить.

На полпути он вспомнил, что ещё не отнёс подарки своему учителю, и, вернувшись, отложил удочку и пошёл с подношениями.

Говорят, что луна пятнадцатого числа самая полная шестнадцатого, но и сегодня вечером она была хороша.

Стемнело, но семья Е ещё не садилась за стол. На столе уже стояли блюда со свининой и рыбой, а также половинка тыквы с воткнутыми в неё тремя ароматическими палочками.

Бабушка зажгла свечи по обе стороны от курильницы в главной комнате, сожгла бумажные деньги и что-то бормотала.

В основном она приглашала предков семьи Е и своих родителей прийти на праздничный ужин, просила бессмертных о защите, благополучии, успехах потомков и богатстве.

Только в такие моменты она не мечтала о несбыточных богатствах и высоких чинах.

Перед алтарём, на красной бумаге, были написаны иероглифы «Небо, Земля, Правитель, Родители, Учитель», и стояла статуэтка бодхисаттвы. Всё как в его прошлой жизни.

Яркое пламя горящих бумажных денег освещало всю комнату, а пепел, кружась, уносил с собой память об ушедших.

Закончив с этим, бабушка велела им поклониться.

Е Ишу встал и вместе с Доумяо поклонился предкам семьи Е.

«В прошлой жизни меня звали Е Ишу, и в этой тоже. Не поверю, если скажут, что я не из рода Е».

После поклонов бабушка начала молиться лунному божеству.

Луна была ярко-жёлтой и очень светлой.

Вдыхая аромат благовоний и глядя на ясный лунный диск, он вдруг почувствовал какую-то тоску.

Неудивительно, что поэты и учёные в этот день писали стихи. Даже он, глядя на это небо, которое, возможно, было тем же самым, что и в его прошлой жизни, немного затосковал по своим дедушке и бабушке.

Старики хоть и не особо о нём заботились, но они прожили вместе больше двадцати лет. Надеюсь, его смерть не стала для них слишком большим ударом. Дедушка был ещё крепок... и мог родить ещё не одного сына.

— Брат, старший братец?

Е Ишу опустил взгляд и встретился с нахмуренными бровями Доумяо. Он улыбнулся и провёл пальцем по его лбу.

— Что ты меня зовёшь?

Доумяо покачал головой и обнял Е Ишу за руку.

— Ничего, просто захотелось позвать.

Ему показалось, что старший брат чем-то расстроен. Но сегодня было столько вкусной еды, из-за чего же он мог грустить?

Старуха закончила молиться луне, и женщины в семье тоже подошли и поклонились.

На этом обряды почти закончились.

Бабушка объявила, что предки закончили трапезу. Остывший рис из чаш пересыпали в одну миску, а все остальные пошли накладывать себе горячий из котла.

За столом было шумно от стука палочек, разговоров и смеха. Кто-то что-то говорил, кто-то ругался, но все вместе кое-как поели.

После сбора урожая осенью дни полетели быстрее. Убрал сою, в поле, кроме овощей, делать было нечего.

Староста снова начал обходить дома, собирая людей на трудовую повинность.

Е Кайлян никогда раньше не отбывал повинность, и после раздела семьи никогда не отправлял на неё своего младшего сына.

До пятнадцатилетия Е Ишу его отец ходил каждый год, и каждый раз возвращался похудевшим, а иногда и вовсе сваливался с болезнью на полмесяца. Денег на лекарства уходило больше, чем можно было бы заплатить за освобождение от повинности.

Поэтому Е Ишу предпочитал платить, чтобы отец не ходил.

Как только староста объявил о повинности, Е Ишу, не мешкая, отнёс ему деньги, чтобы имя отца вычеркнули из списка.

Это событие прошло незаметно, и праздник середины осени тоже миновал.

Для крестьян это означало конец годовой страды.

Похолодало быстро, и, когда наступило затишье, Е Чжэнкунь, не найдя себе дела дома, отправился в город на поиски работы.

Е Чжэнсун несколько дней сидел дома, а потом снова стал пропадать. Говорил, что, как и старший брат, ищет работу в городе, но, скорее всего, это были лишь слова.

Похолодало, земля покрылась инеем, и трава по утрам поникала.

Они жили на юге, и снег здесь был редкостью. За всю свою жизнь Е Ишу помнил, может быть, пять или шесть раз, когда выпадал снег.

В холодную погоду животные не выходили из своих нор. Деньги, заработанные Е Ишу на охоте, не копились — все уходило на лекарства для матери.

К счастью, после праздника середины осени они снова ходили к доктору Суну, и он сменил рецепт. Теперь одно лекарство стоило не три цян, а два. Так, с приходом и расходом, у него накопилось чуть больше двенадцати лянов серебра.

И это при том, что он постоянно ходил в горы и не отдавал деньги в общую казну.

Осенью набирали вес, чтобы пережить зиму. Е Ишу всю осень старался кормить семью досыта, но его отец, наоборот, усердно работал в городе.

Уставал он так же, как во время полевых работ дома.

Ночью ледяной ветер проникал сквозь щели в дверях. Е Ишу, закутавшись в одеяло, сидел на своей полутораметровой кровати в темноте.

В соседней комнате ещё горел свет. Он чувствовал сильный запах лечебного вина и слышал, как стонет его отец.

— Полегче, ой...

— Как это полегче? Если хорошо не размять, завтра спину не разогнёшь.

— Говори потише, детей разбудишь.

— Если бы я умела вышивать, сидела бы дома, шила что-нибудь, помогала бы.

— Ты и так устаёшь. Это я просто... спину долго сгибал, ничего страшного.

Е Ишу уткнулся подбородком в одеяло и тихо вздохнул.

Тяжёлая работа никогда не бывает лёгкой.

Завтра он позовёт Доумяо и родителей в горы. Сбирать каштаны, копать дикий ямс и пуэрарию на продажу в аптеку — это всяко легче, чем таскать тяжести.

С этими мыслями Е Ишу лёг, но долго ворочался, прежде чем уснуть.

На следующий день Е Ишу проснулся рано.

Он остановил отца, собиравшегося в город.

— Папа, сейчас в горах много всего, я один не справляюсь. Может, вы с мамой поможете?

Е Чжэнкунь, услышав это, с радостью согласился.

Больше всех походу в горы радовался Доумяо.

Малыш с маленькой корзинкой за спиной прыгал впереди. Для него поход в горы был поиском сокровищ, там было столько всего интересного.

Но обычно брат не брал его с собой из-за опасностей.

Поэтому Е Ишу тщательно подготовил семью. Штанины были туго обмотаны тканью и верёвками, а одежда опрыскана раствором реальгар.

Только после этого они отправились в горы.

Горы тянулись на многие ли, и Е Ишу не знал, где они начинаются и где заканчиваются. Здесь их называли просто Цинцуйшань — Зелёные горы, потому что они были зелёными круглый год.

Горный хребет, извиваясь, взирал на деревни у подножия на протяжении сотен лет. В горах были и скалы, и ручьи, и леса, и луга...

Диких каштанов тоже было много. На окраинах всё уже было собрано, но чуть глубже никто не трогал.

Каштаны можно было есть, и они обладали лечебными свойствами. Их любили и в городе, и в уезде.

Семья из четырёх человек просто собирала их. За день можно было набрать сотню цзиней. По пять-шесть вэней за цзинь — это было выгоднее, чем таскать мешки в городе за двадцать-тридцать вэней в день.

Е Ишу велел им собирать как можно больше, с продажей проблем не будет. Просто это место было известно только охотникам, и никто не знал, что здесь есть каштановая роща.

Но ради безопасности Е Ишу не позволял им далеко отходить, а сам бродил вокруг, пытаясь что-нибудь подстрелить.

Вдруг он услышал крик петуха, прицелился и выпустил стрелу.

Доумяо, услышав звук, поднял голову и тихо спросил:

— Попал?

— Да.

— Ура! Старший братец такой молодец!

Е Ишу связал ноги дикой курицы и, взяв палку, начал шарить в ближайших кустах. Он нашёл гнездо с несколькими дикими яйцами.

Проведя в лесу всё утро за сбором каштанов, они наполнили две корзины — большую и маленькую.

Семья Е, освещённая лучами заходящего солнца, спускалась с горы с тяжёлой ношей.

— Вспомнили, что нужно вернуться! Хотите, чтобы я с голоду умерла! — Ли Сынян, заглянув в корзины и увидев там лишь обычные каштаны, посмотрела на старшего сына как на дурака.

«Лучше бы в город пошёл, чем эти каштаны собирать. Кто в деревне их не ел? В городе их никто и не продаёт!»

— Мама... — улыбка сползла с лица Е Чжэнкуня.

— Быстро идите готовить! — холодно приказала Ли Сынян.

В крестьянских домах готовили на дровах в чугунном котле. У семьи Е был всего один котёл, и пока один подкладывал дрова, другой готовил. Даже сварить рис занимало немало времени.

Ли Сынян снова ушла в дом лежать. Е Ишу поймал курицу и пошёл на задний двор её разделывать.

— Гээр, зачем ты убил курицу? Можно было бы продать, — с сожалением сказала Ши Пулю. Одна курица стоила больше ста вэней, только гээр мог себе такое позволить.

— Из-за одной курицы мне в город бежать? Лучше вам на пользу пойдёт, — сказал Е Ишу и несколькими ударами ножа разделил курицу на куски.

Курицу тушили на маленькой печке, и аромат разносился по всей округе. Соседи, учуяв его, снова начали перешёптываться.

«Только у семьи Е есть гээр-охотник, кто ещё может позволить себе есть мясо через день! Хорошо, что у нас сегодня гости, мы тоже зарезали курицу».

Ужин был готов, когда на улице уже стемнело.

Ли Сынян, хоть и не двигалась весь день, была голодна. Едва блюда появились на столе, они с остальными, не дожидаясь Е Ишу и его семьи, набросились на еду.

Палочки перемешивали еду в тарелках, выбирая остатки мяса со вчерашнего дня.

Е Ишу нахмурился.

— Дедушка, ты не дождёшься моих родителей?

Е Кайлян сделал вид, что не слышит. Ли Сынян же бросила на него гневный взгляд.

— Где это видано, чтобы старшие ждали младших. Сами опоздали, кого винить.

Жаль только, что сегодня не было курицы. Запах тушёной курицы из соседнего двора доносился к ним, и от этого слюнки текли.

— Бабушка, ешьте помедленнее, ещё не все блюда подали, — сказал Е Ишу.

— Кому нужна эта трава без мяса! — Последним блюдом у семьи Е всегда была жареная зелень, потому что после жарки мяса в котле оставался жир, и зелень, перемешанная в нём, впитывала его, что было не так расточительно.

«Но не говорите, что я вас не предупреждал».

Доумяо позвал отца, и Е Ишу пошёл на кухню за супом. Ши Пулю тоже вышла с тарелкой зелени.

За это время еда на столе была сметена. Ли Сынян и Цзинь Лань сыто рыгнули.

Е Ишу, посмотрев на пустое место рядом с Цзинь Лань, подумал: «Младший дядя снова не ночует дома».

На стол поставили золотистый, наваристый куриный суп. Ли Сынян, придерживая живот, вдруг указала дрожащим пальцем на Е Ишу.

— Ах ты, смеешь...

— Что смею? — Е Ишу сел за стол. — Бабушка, я же вас предупреждал.

Цзинь Лань и Е Кайлян молча потеряли свои набитые животы, снова взяли миски и принялись за суп и мясо.

Е Ишу уже налил суп своим родителям. Супа было много, и на троих его вполне хватило.

Семья из четырёх человек, отхлебнув горячего супа, с удовольствием выдохнула. Единственное, что портило картину, — это икающие напротив.

«Не переели бы, а то ещё заболеют».

После ужина все прибрались и легли спать. Но Ли Сынян и Цзинь Лань до полуночи ворочались, не в силах уснуть.

Е Ишу крепко спал, когда его разбудил громкий стук.

— Старший, старший, быстро зови лекаря, у твоей матери живот так болит, что сил нет терпеть!

Снаружи поднялся шум. Е Ишу встал посмотреть. В главном доме горел свет, его родители, наспех одевшись, поспешили туда.

Потом пришёл знахарь. Всю ночь они суеились и успокоились только к утру.

Е Ишу не спал вместе с ними. Увидев, что уже светает, он решил больше не ложиться, а пошёл к своему учителю, одолжил повозку и повёз каштаны в уезд.

Он и не знал, что, проснувшись, бабушка искала его, чтобы свести счёты, но, не найдя, целый час ругалась во дворе.

Хорошо, что Ши Пулю и Е Чжэнкуня тоже не было дома, иначе кто знает, что бы они почувствовали, услышав это.

В городе осень сменилась зимой.

Супруги копили деньги на сваху и ждали новостей. Но вот уже апельсины стали холодными на зубах, а от свахи Юань не было ни слуху ни духу.

Накопив нужную сумму, они с радостью отправились к ней.

Но в её доме уже сидели люди, оживлённо что-то обсуждавшие. Прислушавшись, они поняли, что дело дошло до сватовства.

Сваха Юань сначала поздоровалась с ними, велела своей дочери усадить их и дать отдохнуть, а сама, проводив предыдущих гостей, поспешила к ним, отхлебнув на ходу чаю.

Она сияла от радости, но голос её был немного хриплым — видно было, что работы у неё в последнее время много.

— Сестрица Е, простите, я так занята, что, хоть и разузнала всё, никак не могла к вам зайти. Приношу свои извинения.

Что могла сказать Ши Пулю на такие слова?

Она лишь попросила поскорее рассказать о семье Сун. Но, услышав подробности, супруги изменились в лице.

— Что с вами?..

— Нет, нет, — Е Чжэнкунь, который редко говорил в доме свахи, на этот раз первым отказался.

Сваха Юань не поняла.

— Мачеха в семье Сун добрая, её сын от первого мужа ещё маленький. Доктор Сун и умелый, и талантливый, что же не так?

Ши Пулю тоже вспомнила, что в первый раз, когда сваха Юань говорила о семье Сун, ей что-то показалось странным.

Оказалось, это была давняя история. Имя Сун Чжэньцзинь им ничего не сказало, но, услышав имя Сун Чжунхэ, они всё вспомнили.

И воспоминания эти были печальны.

Примерно пятнадцать лет назад дед Сун Чжэньцзиня был ещё жив. Он был известным в деревне знахарем, и жители Сялинь часто к нему обращались.

Старик умел вести дела, купил лес, построил дом из синего кирпича, и семья жила в достатке. Разбогатев, он отправил сына учиться.

И вот тут-то всё и пошло наперекосяк.

Сун Чжунхэ, поддавшись уговорам дурных друзей, пристрастился к азартным играм. Втайне от отца он проиграл и лес, и поля. Документы на землю тоже тайком отдал.

Потом ставки стали расти, и когда деньги кончились, к нему домой явились из игорного дома. Только тогда старик обо всём узнал.

Денег, отложенных на похороны, не хватило, и пришлось продать оставшуюся землю, чтобы спасти Сун Чжунхэ.

Так в одночасье всё, что старик копил всю жизнь, пошло прахом. Его хватил удар, и он умер от горя.

И его жена, не прошло и двух дней, последовала за мужем.

Потом сбежала и невестка, оставив в доме лишь одного ребёнка.

Этим ребёнком был Сун Чжэньцзинь.

Когда эта история дошла до деревни Сялинь, все долго вздыхали.

Но после смерти его отца жители Сялинь стали реже ходить в Шанчжу, и постепенно новости оттуда перестали доходить.

Потом дошли слухи, что Сун Чжунхэ пристрастился к вину, часто напивался и засыпал на улице.

Чудом он не умер от такой жизни.

Жалко было только пятилетнего мальчика, который в одночасье лишился любящих дедушки и бабушки, матери и остался с отцом, который вечно пропадал.

Говорили, что ребёнок после этого стал как будто не в себе, замкнулся и ни с кем не разговаривал.

Потом сказали, что его куда-то отправили. То ли в другую семью на воспитание, то ли ещё куда.

Прошло больше десяти лет, и эта история забылась.

Когда сваха Юань говорила о докторе Суне, о Сун Чжэньцзине, они и не вспомнили об этом. Но когда она упомянула Сун Чжунхэ, у них в голове будто что-то щёлкнуло.

Раз так, то каким бы хорошим ни был Сун Чжэньцзинь, с таким отцом, который довёл до смерти своих родителей и до побега жену, они не могли отдать туда своего гээр.

Что ж, видно, не судьба.

Сваха Юань заметила, что, услышав о семье Сун, супруги сразу помрачнели.

Подумав, что между семьями может быть какая-то вражда, и услышав от Ши Пулю просьбу поискать кого-нибудь другого, она, как сваха, не стала настаивать и согласилась.

Но добавила:

— Сестрица Е, ты же видишь, я очень занята. Дело твоего гээр может затянуться.

Ши Пулю с сожалением, но всё же с улыбкой ответила:

— Ничего страшного. Лишь бы человек был хороший, а время — не главное.

— Что ж, тогда я постараюсь подыскать вам подходящий вариант.

Они пришли с надеждой, а ушли с разочарованием.

Уже дойдя до дома, Ши Пулю, прижимая руку к сердцу, всё ещё сокрушалась:

— Доктор Сун такой хороший мальчик, как он мог быть из семьи Сун Чжунхэ? И сватовство это от имени Сун Чжунхэ. После всего, что он натворил, доктор Сун, должно быть, не близок с ним, так почему он согласился, чтобы тот сватался за нашего гээр?

— Не знаю... — Е Чжэнкунь тоже сожалел, но он точно не отдал бы своего гээр в такую семью.

Супруги разговаривали в комнате, не замечая, что за дверью кто-то стоит.

«Сватовство? Ах так, смеют за моей спиной!» — Ли Сынян, скривив губы и придерживая всё ещё побаливающий живот, зло подумала: «И не надейтесь!»

«Сун Чжунхэ... почему это имя так знакомо? Надо будет поговорить со стариком».

<http://bllate.org/book/13660/1586167>